

Лунный свет затуманивал мысли. Идея, родившаяся в порыве, казалась воздушным замком - прекрасным, но полным неопределённости.

А люди, из-за которых всё это началось, в тот вечер благодаря Нин Гуйчжу впервые за долгое время поели досыта.

— Мама... мы теперь сможем больше не голодать?

Девочка помогала матери убирать посуду. Когда она задала этот вопрос, её глаза были полны надежды. Худая женщина сложила бамбуковые чашки и поставила их на кухонную печь. Затем тихо сказала:

— Завтра пойдём ещё до рассвета. Нужно собрать побольше, пока Чжу-гер не рассказал всем остальным. Днём ты останешься дома и поможешь бабушке, а мама пойдёт в уезд - попробую найти какую-нибудь работу.

Если хотя бы полмесяца не будет перебоев с едой, она сумеет наладить жизнь!

Девочка не могла представить всех надежд матери, но знала, что должна сделать. Она энергично закивала:

— Мам, не волнуйся!

Шершавая ладонь женщины погладила её по голове. Она моргнула, сдерживая почти выступившие слёзы.

В доме готовили без масла, поэтому посуду мыть почти не приходилось. Девочка ушла в комнату, а женщина тихо вошла в комнату свекрови.

Старая женщина всё ещё сидела у окна и вышивала платок.

— Мама, ложитесь спать, — тихо сказала она, подойдя ближе. — Дому ещё нужна ваша помощь. Не портите глаза.

Старуха потерла глаза.

— Ничего, ещё немного света есть.

Помолчав, она опустила руку с платком и спросила:

— Этот Чжу-гер... он правда такой хороший?

В её представлении учёные люди обычно были холодными и трудными в общении.

— Да, — тихо ответила Девятая тетка, садясь рядом. — Он показал нам, где найти еду, и объяснил, как готовить водяной бамбук. — Мама... мне кажется, он очень хороший человек.

Старуха снова принялась вышивать. Спустя долгое время она сказала:

— Когда закончу этот платок... обменяй его на деньги и отнеси Чжу-геру.

Старуха уже была в возрасте, и её вышивка была не такой аккуратной, как в молодости. Теперь за один платок можно было выручить всего четыре-пять вэнь. Если немного накопить, можно обменять на грубое зерно и хоть немного поддержать семью. Но Нин Гуйчжу так много рассказал и помог Девятой тетке, что в ближайшее время их семья не будет голодать - эти несколько монет лучше отдать ему.

Человек должен помнить добро.

Девятая тетка тихо согласилась. Видя, что старуха всё ещё не прекращает вышивать, она вздохнула, встала и подошла к кровати, где спал её младший сын. Мальчику уже исполнилось три года, но выглядел он почти таким же маленьким, как новорождённый. Иногда, просыпаясь среди ночи, Девятая тетка думала: может, не стоило тогда настаивать на лечении мужа, тогда у них осталось бы немного денег на жизнь. Но всякий раз, когда эта мысль появлялась, перед глазами вставал тревожный взгляд мужа, и сердце болезненно сжималось.

Девятая тетка сдержала слёзы, ещё раз тихо уговорила свекровь отложить работу. Лишь когда та наконец положила платок, она вернулась в другую комнату и вместе с дочерью погрузилась в сон.

—

На следующее утро, едва начало светать, Нин Гуйчжу уже поднялся. Он не увидел дома Сюн Цзиньчжоу и удивлённо почесал голову. Умывшись тёплой водой, оставленной в котле, он первым делом занялся завтраком. Белую муку он развёл водой до жидкого теста, добавил немного грубой муки и хорошо размешал, оставив миску в сторону. Из деревянного ведра он достал немного молодых побегов водяного бамбука, нарезал их тонкой соломкой и сложил в миску. Затем нарезал немного соломки из вяленого мяса.

Дикой зелени, принесённой вчера, уже не осталось. Немного подумав на кухне, Нин Гуйчжу вышел в огород. Овощи там были посажены всего несколько дней назад и всё ещё выглядели маленькими. Зато тот зелёный лук, который раньше выкапывали вместе с корнями, уже пустил корни и поднял листья - они стояли прямо и густо зеленели. Нин Гуйчжу сорвал небольшую горсть лука, вымыл его, мелко нарезал и добавил в тесто. Затем посолил его и разогрел сковороду с маслом, начиная жарить тонкие блинчики.

Он как раз был занят готовкой, когда снаружи послышался звук - что-то тяжёлое упало на землю.

Нин Гуйчжу повернул голову к выходу и громче спросил:

— Цзиньчжоу? Это ты?

— Я, — сначала откликнулся Сюн Цзиньчжоу, а затем подошёл к двери кухни. Увидев, что завтрак уже готовится, он прислонился к дверному косяку и спросил: — Давно встал?

— Не очень. А ты куда ходил?

— Бамбук дома закончился, вот я позвал старшего брата, сходили в горы и нарубили ещё.

— Понятно, — сказал Нин Гуйчжу. — Тогда я сделаю побольше, пусть старший брат остаётся завтракать.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу снова ушёл заниматься делом. Нин Гуйчжу на время остановился, развёл ещё немного теста, нарезал дополнительно водяного бамбука и мясной соломки, после чего продолжил жарить блинчики.

Щебет птиц становился всё громче. Солнце незаметно поднялось над горизонтом. Нин Гуйчжу взял готовые тонкие блинчики и жареный водяной бамбук с мясом, отнёс всё в главную комнату, расставил на столе чашки и табуреты.

Во дворе снова раздался звук падающих бамбуковых стеблей. Нин Гуйчжу вышел и сказал:

— Хватит работать, идите помойте руки и завтракать.

— Хорошо, сейчас.

Сюн Цзиньчжоу снял с плеч бамбуковые ветки. Братья пошли к колодцу, вымыли руки и только после этого вошли в комнату. Еда на столе была не такой богатой, как вчера, но по вкусу и аромату ничуть не уступала. Трое сели за стол. Нин Гуйчжу взял лепёшку, разложил её в чашке, положил сверху большую порцию водяного бамбука с мясной соломкой, свернул лепёшку рулетом и отправил в рот - начинка получилась щедрая, и есть было особенно приятно.

Сюн Цзиньчжоу и Сюн Цзиньпин переглянулись, молча доели блинчики, которые уже держали

в руках, взяли по новой и стали есть так же, как Нин Гуйчжу.

И правда, очень вкусно! Лепёшки были тонкие, с насыщенным ароматом зелёного лука. Внутри - хрустящий водяной бамбук и немного мясной соломки. Один укус, и сразу чувствуешь весь вкус.

После завтрака Сюн Цзиньчжоу, что бывало нечасто, не стал мыть посуду. Пока было ещё рано, он вместе с Сюн Цзиньпином сходил и принёс во двор нарубленный утром бамбук и ветки, затем обрубил хвосты стеблей и расколочил их.

— Чжу-гер, я пошел!

Даже не убрав тесак, Сюн Цзиньчжоу поспешно выскочил со двора. Когда Нин Гуйчжу вышел наружу, он успел увидеть только его удаляющуюся спину.

Сюн Цзиньпин посмотрел вслед брату, затем на Нин Гуйчжу и сказал:

— Тогда я тоже пойду. Если что понадобится, заходи к нам. Чуть позже Цзиньбо с остальными придут.

— А, хорошо.

Сюн Цзиньпин ушёл. Нин Гуйчжу вернулся на кухню, немного прибрался и вышел обратно. Увидев у колодца деревянное ведро, он присел рядом и задумался.

Раньше он дал Ван Чуньхуа миску шкварок из свиного жира, а в тот же день Лю Цюхун принесла рыбу, которую поймал Сюн Цзиньпин. Тогда Нин Гуйчжу подумал: сначала съедят шкварки, потом рыбу, и так и не тронул её. В итоге про неё просто забыли.

Глядя на рыбу в ведре, Нин Гуйчжу всерьёз подозревал, что раньше она была не такой худой.

«Надо приготовить её сегодня вечером», — решил он.

Насвистывая себе под нос и поглядывая на небо, он собирался пойти в задний двор ловить насекомых. Но не успел сделать и нескольких шагов, как услышал радостные детские крики:

— Дядя Чжу!

Трое ребят бежали к нему со всех ног.

Нин Гуйчжу повернулся и сказал:

— Бегите помедленнее, а то упадёте.

— Не переживай, мы не упадём!

Сюн Чуаньшуй не только не замедлился, а наоборот ускорился и первым подбежал к Нин Гуйчжу. Увидев двух щенков, которые катались под навесом, он радостно закричал:

— Даван! Эрцай!

— Гав-гав!

Оба щенка тут же радостно завиляли хвостами в ответ.

Сюн Цзиньбо был послушнее - он замедлил шаг и, держа за руку Сюн Иньинь, подошёл ближе.

— Дядя, мы пришли ловить насекомых! Можно потом взять Давана и Эрцай поиграть?

— Конечно можно, — Нин Гуйчжу погладил его по голове. — Спасибо вам за помощь.

— Да нет же, ловить насекомых очень весело! — тут же возразил Сюн Чуаньшуй.

Нин Гуйчжу не удержался и рассмеялся.

Трое детей снова занялись своим делом, а Нин Гуйчжу сначала разложил на солнце папоротник и сушёные ломтики бамбука, которые вчера принесла Лю Цюхун. Затем взял нож и расколол бамбук на тонкие прутья толщиной с мизинец. Готовые прутья он сложил под навесом в тени, чтобы они немного подсохли. Через пару дней из них можно будет нарезать бамбуковые полоски и использовать для плетения.

Раньше в доме почти ничего не было, и Нин Гуйчжу спешил делать нужные вещи прямо из свежего бамбука. Теперь времени стало немного больше, и можно было работать спокойнее.

Раскалывать бамбук оказалось делом непростым. Когда он закончил, утро уже почти прошло.

Трое детей, неизвестно когда управившись со своей работой, теперь сидели на корточках у клетки и с любопытством наблюдали, как куры и утки клюют насекомых. Два щенка сидели рядом, весело виляя хвостами. Пять маленьких «редисок» - трое детей и две собаки - выглядели удивительно послушно.

Нин Гуйчжу перенёс оставшиеся бамбуковые прутья под навес, вымыл руки и сказал:

— Как раз почти полдень. Я что-нибудь приготовлю, поедите перед тем, как идти играть, хорошо?

— А? Нет-нет!

Услышав это, трое детей словно подпрыгнули от неожиданности. Они позвали щенков и со всех ног помчались к выходу из двора.

— Дядя, мы побежали играть!

— Эй, бегите осторожнее!

Нин Гуйчжу сделал несколько шагов следом, но дети уже добежали до дома впереди. Он только беспомощно покачал головой.

«Так быстро убежали... наверное, невестка что-то им заранее сказала», — подумал он.

После этого Нин Гуйчжу направился на кухню. Раз дети не остались на обед, ему и самому спешить было незачем. Он взял бамбуковую корзину и мотыгу, вышел со двора и отправился в лесок неподалёку искать дикие травы. Это место было совсем близко к дому - если что-то случится, он сразу услышит и сможет быстро вернуться.

Поскольку этот лесок находился совсем рядом с домом Сюн Цзиньчжоу, дикой зелени здесь оставалось ещё много. Нин Гуйчжу довольно быстро набрал целую корзину. В глубине леса он ещё и обнаружил заросли сычуаньского перца - на ветках висели красно-зелёные ягодки, и от этого у него сразу поднялось настроение.

Опасаясь повредить деревья, он поспешно вернулся домой, высыпал из корзины собранную зелень и снова отправился в лес. Хотя ему очень нравились большие кусты перца, ради лучшей приживаемости он выкопал лишь несколько маленьких саженцев. Зато собрал немало ягод, собираясь высушить их дома.

Когда он вернулся во двор, солнце уже стояло прямо над головой. Нин Гуйчжу поставил молодые кустики перца в тень, немного полил землю водой, затем высыпал из корзины собранные ягоды и тщательно промыл их.

Теперь, когда есть сычуаньский перец, рыбу на ужин можно будет приготовить вкуснее.

Он был в отличном настроении: насвистывая мелодию, разложил перец сушиться, съел несколько лепёшек из грубой муки, чтобы утолить голод, и сел отдохнуть под навесом.

Тёплое солнце приятно согревало. Нин Гуйчжу немного посидел, прищурившись от

удовольствия, затем встал, налил ведро воды в котёл и вскипятил её. Смешав кипяток с холодной водой, он взял кусок мыла и взбил в воде мыльную пену, после чего вытащил деревянную шпильку и распустил волосы.

Чёрные волосы опустились в воду. Намокнув, они заблестели особенно ярко.

Он давно их не мыл. Намылив их один раз, Нин Гуйчжу ещё дважды тщательно ополоснул голову чистой водой. Почувствовав, что волосы стали чистыми, он ощутил приятную свежесть. Опустив взгляд, он отжимал воду из длинных прядей, и в колеблющихся бликах на воде вдруг увидел собственное отражение.

Нин Гуйчжу удивлённо приподнял брови, отодвинул волосы и, когда рябь на воде успокоилась, наклонился ближе, чтобы рассмотреть. Раньше он вообще не придавал значения своей внешности, но теперь, ясно увидев отражение в воде, смотрел на него с любопытством. Внешность прежнего хозяина тела была похожа на его собственную примерно на семь-восемь десятых. Если бы это был не он сам, любой решил бы, что это один и тот же человек.

Только лицо прежнего хозяина было чуть более утончённым. Если сравнивать образно, разница примерно как между 8К и 2К. Просто Нин Гуйчжу заметил это слишком поздно. Если бы он внимательно рассмотрел себя сразу после переселения, то увидел бы на этом лице постоянную робость и униженность, словно этого человека любой мог обидеть.

Вымыв волосы, Нин Гуйчжу сел во дворе, перекинул длинные пряди через спинку соседнего стула и принялся шить одежду, которую не успел закончить раньше. Нужно было успеть сшить грубую рабочую одежду до выходного Сюн Цзиньчжоу. Тогда можно будет ходить в горы за растениями и не переживать постоянно, что ветки порвут одежду.

Так за шитьём и прошёл весь день.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся домой и увидел человека во дворе, на его лице невольно появилась улыбка. Он быстрым шагом вошёл во двор и громко позвал:

— Чжу-гер!

— Ты вернулся? — Нин Гуйчжу повернулся к нему, увидел его и отложил работу, поднимаясь.
— Сегодня, кажется, позднее обычного.

Сюн Цзиньчжоу будто ждал этого вопроса. Уголки его губ поднялись, и он с воодушевлением сказал:

— Я сегодня в уезде встретил Девятую тетку. Она там работает грузчицей. Увидев меня, попросила передать тебе спасибо. Сказала, что у них дома теперь временно хватает еды, и она старается заработать немного денег, может, в этом году даже получится нормально пережить

зиму.

На самом деле это Сюн Цзиньчжоу сам, не стесняясь, подошёл к ней и расспросил.

Как он и ожидал, услышав эту новость, Нин Гуйчжу сразу обрадовался. На солнце он словно светился.

— Правда? Это же замечательно!

Видя, как он радуется, Сюн Цзиньчжоу невольно рассмеялся.

И тут Нин Гуйчжу запоздало понял, что тот специально рассказал это, чтобы его утешить. Щёки у него потеплели. Он приложил прохладную тыльную сторону ладони к лицу, и в его радостной улыбке появилась лёгкая застенчивость. Невнятно пробормотав, он упрекнул Сюн Цзиньчжоу:

— И не думал, что у Девятой тетки хватит смелости рассказывать тебе такие мелочи.

Получается, его считают слишком грозным. Сюн Цзиньчжоу громко рассмеялся.

<http://bllate.org/book/14958/1579496>